

К ЮБИЛЕЮ ИОГАННА ГУСТАВА ДРОЙЗЕНА

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

«ВОЗВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ В РАНГ НАУКИ»

В этом году исполнилось 200 лет со дня рождения великого немецкого историка Иоганна Густава Дройзена. Впрочем, Дройзен был не только историком, но и классическим филологом (ему принадлежат переводы Эсхила и Аристофана), философом (развивавшим идеи философии истории) и политиком (член Франкфуртского парламента во время революции 1848 года). Одни называют его имя вслед за основателем научной исторической школы Леопольдом фон Ранке, другие связывают его с классиками немецкой философии Иммануилом Кантом и Георгом Гегелем, третьи помнят о вкладе Дройзена в решение так называемого «немецкого вопроса»¹. Многоликость нашего героя имеет, однако, некоторые общие черты (единство в многообразии), определяющие творческий образ Дройзена. Среди них — отчетливая причастность немецкой традиции (немецкость), вкус к теоретическому поиску и активность, выраженная как в научных, так и в политических пристрастиях и баталиях. И все-таки прежде всего Дройзен — историк, но и как историк он вездесущ. Он оставил работы на очень разные и далекие друг от друга темы, притом писал их годами и томами, как и было принято у немцев в те времена. Наряду с изучением политической истории, что сближало его с большинством известных историков-современников, он много лет отдал разработке теоретического курса «о природе и задаче, методе и компетенции» исторической науки², создав совре-

¹ Можно упомянуть и другие ряды, в которых Дройзен оказывается среди весьма почтенных философов и ученых, например: Шлейермахер, Гумбольдт, Бёк, Дройзен в связи с герменевтикой. См.: *La Naissance du paradigme hermeneutique: Schleiermacher, Humboldt, Boeckh, Droysen* / Eds. A. Laks, A. Neschke. Lille: Pu du septentrion. 1995.

² *Дройзен И. Г. Очерк истории [1858] // Дройзен И. Г. Историка*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 449-501. (С. 452). Далее: *Дройзен. Очерк...*

менную теорию исторического знания, все еще сохраняющую актуальность. И сделал это первым, оставив всем нам призыв: «ищите методы».

Пользуясь юбилейным поводом, мы хотим привлечь внимание читателя к *теоретическим* текстам Дройзена, его мыслям и формулам и показать, что удивительным образом в некотором смысле он по-прежнему находится на передовых рубежах исторической науки, при том что далеко не все историки даже сегодня достигают этих рубежей.

«Универсальный историк»

Иоганн Густав Бернхард Дройзен родился в Трептове (Померания) в 1808 г., умер в Берлине в 1884 г. Его первым детским воспоминанием был звук пушек, возвестивших взятие Парижа союзными армиями. Поступив в 1826 г. в Берлинский университет, Дройзен совершенно в духе интересов своего времени изучал литературу и историю Древней Греции, а его первым и очень значимым достижением были переводы Эсхила и Аристофана, которые стоят в одном ряду с переводами на немецкий Гомера, сделанными Иоганном Генрихом Воссом в конце XVIII века.

С 1833 г. Дройзен выступает уже с крупными историческими работами, публикуя «Историю Александра Великого», а затем два тома «Истории эллинизма» (1836–1843)³, которые составили ему репутацию известного специалиста по античности. Дройзен с удивительной для молодого ученого (ему нет еще 30-ти лет) смелостью ввел в научный оборот термин «эллинизм», охарактеризовав так историческую эпоху в истории стран Восточного Средиземноморья от походов Александра Македонского (334–323 гг. до н. э.) до завоевания этих стран Римом, завершившегося в 30 г. до н. э. подчинением

³ Обе работы изданы на русском в переводе с авторизованного Дройзеном французского издания 1883–1885 гг., содержавшего дополнения по сравнению с немецким вариантом. В русском 3-томном издании обе работы объединены под общим названием «История эллинизма»: *Дройзен И. Г. История эллинизма*. В 3-х т. / Пер. с фр. М.: К. Т. Солдатенков, 1890–1893 [1833–1843]. В 1997–1999 гг. эта работа была переиздана в издательстве «Наука» (СПб.), в 2003 г. — в издательстве «Эксмо» (Москва). Первый том русских изданий содержит «Историю Александра Великого», 2-й и 3-й тома — 1-й и 2-й тома собственно «Истории эллинизма» под названием «История диадохов» и «История эпигонов».

Египта. В этом смысле его заслуженно можно поставить в один ряд с «изобретателем» «Средних веков» Христофором Келлером (Целлариусом) и создателями концепции «Ренессанс» Жюлем Мишле и Якобом Буркхардтом. Дройзен назвал эллинизм *новым временем* античности, обозначив этим понятием эллинистическую, т.е. не чисто эллинскую, а смешанную с восточными элементами культуру, формирование которой было обусловлено распространением политического господства эллинов (греков и македонян) на восточные страны⁴. С тех пор ведущие специалисты по античному миру много спорили о содержании и географических границах эллинистического мира, но сам термин прочно утвердился в исторической науке.

Когда в 1836 г. Дройзен стал экстраординарным профессором по кафедре древней истории и классической филологии в Берлинском университете, казалось, что путь его вполне определен, но приглашение в Кильский университет в 1840 г. радикально изменило его профессиональную ориентацию, да и жизнь в целом. Однако прежде чем последовать за Дройзеном в Кильский, Йенский и вновь в Берлинский университеты, зададимся более общим вопросом: *что значило быть признанным историком в середине XIX века*, и в какой мере Дройзен соответствовал «идеальному типу» историка своего времени?

На середину XIX века приходится пик популярности исторической литературы и исторической профессии. Именно в этот период, как никогда прежде или впоследствии, историков любила, читала и слушала публика. И не только слушала, но и прислушивалась к их мнению. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк Анри-Ирене Марру писал:

«Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала как следует читать “Илиаду”; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии... Под объединенным влиянием идеализма и позитивизма идея про-

⁴ Анализ взглядов Дройзена на философию истории (исторического процесса) в связи с его концепцией эллинизма см. в: *Rüsen J. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie Johann Gustav Droysens*. Paderborn: Schöningh, 1969.

гресса была навязана в качестве фундаментальной категории... Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог, обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии, показывая, что она... укоренена в прошлом»⁵.

Преуспевающий историк нередко сочетал увлечение классической древностью с активным участием в создании национального прошлого, интерес к политической истории — с политической ангажированностью, публичность — с «ученостью». Значимы и самые имена европейских историков — современников Дройзена: кажется, количество известных представителей истории в XIX в. сильно превышает число сопоставимых по известности историков века XX-го. Одно из определений XIX столетия — «век истории» — в большой степени следует отнести к заслугам выдающихся историков того периода.

В XIX в. история была поставлена на службу государству, и многие известные историки занимали высшие государственные должности. В Англии ведущие представители исторического цеха (Арчибалд Алисон, Генри Галлам, Томас Маколей) активно влияли на политическую жизнь, конструируя прошлое, основанное на концепциях «виггов» и «тори». Еще более показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, Луи-Адольф Тьер и Франсуа Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их «сбросили» другие историки — Луи Блан, Алексис де Токвиль и Наполеон III⁶. В Германии в это время концепцию национальной истории создавала малогерманская школа, крупнейшие представители которой были видными политиками (Георг фон Зибель, Генрих фон Трейчке, да и Дройзен).

С переходом на службу в Кильский университет завершается первый этап научной карьеры Дройзена, и по существу изучение эллинизма отступает на задний план (хотя и в Киле, и впоследствии в Йене и Берлине он регулярно читал лекции и вел семинары по

⁵ *Marrou H.-I.* De la connaissance historique (Sixième édition, revue et augmentée). Paris: Editions du Seuil, 1954. P. 11.

⁶ *Зелдин Т.* Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 154-162. (С. 157).

древней истории, а в последние годы жизни написал несколько статей по истории Древнего мира)⁷.

С 1840-х годов новая и главная сфера его интересов — политическая история Германии. Лекции по эпохе освободительных войн, прочитанные в 1842–1843 гг. и опубликованные в 1846 г., последовательно развивают идеи свободы и национальной независимости⁸. Основными главами эпопеи освобождения в интерпретации Дройзена становятся Американская и Французская революции, а также борьба Пруссии против Наполеона. Одна из важнейших тем научного творчества Дройзена — проблема объединения Германии, в решении которой он, как представитель малогерманской школы историографии, занимал позицию сторонника «прусского» варианта⁹. Впрочем, не только история интересует в это время профессора. Начинается период бурной политической активности в жизни Дройзена, что вполне соответствовало духу времени. С 1844 г. Дройзен участвовал в антидатском национально-освободительном движении в Шлезвиге и Гольштейне; в 1848–1849 гг. был членом Франкфуртского парламента.

Политически весьма деятельный Дройзен навсегда покидает поле практической политики в 1851 г. Впоследствии он продолжал внимательно следить за воплощением проекта объединения Германии вокруг Пруссии, но со стороны. Однако если французский историк Огюстен Тьерри, пережив опыт революции 1848 года, ушел из исторической профессии и больше уже не писал, а другой французский историк, Франсуа Гизо, тогда же радикально пересмотрел свои взгляды, то Дройзен, переехав из Киля в Йену, а затем в Берлин, спокойно продолжал работать над сочинением «История политики Пруссии». Он уже не искал, как в 1830-е годы, аналогий между объ-

⁷ Эти статьи были опубликованы в: *Droysen J. G. Kleine Schriften zur alten Geschichte*. 2 Bde. Leipzig, 1893–1894.

⁸ *Droysen J. G. Vorlesungen über die Freiheitskriege*. 2 Bde. Kiel: Universitäts-Buchhandlung, 1846.

⁹ Впрочем, как отмечал Бенедетто Кроче, и в работах по античной истории «Дройзен облакает свою тягу к сильному централизованному государству в форму истории Македонии — своего рода древнегреческой Пруссии» (Кроче Б. Теория и история историографии / Пер. с итал. М.: Языки русской культуры, 1998 [1917]. С. 23). До сих пор эта проблема остается одной из центральных в историографии по «античному» наследию Дройзена.

единением Греции Филиппом II и объединением Германии, хотя во втором издании книги об Александре Македонском (1877 г.) эта связь была подчеркнута еще сильнее, чем в первом. Считая объединение Германии долгом Пруссии, Дройзен рассматривал свое исследование как важное подспорье в решении актуальных политических задач и писал историю Пруссии как предысторию грядущей Единой Германии, отдав этой задаче более 30-ти лет жизни (первая книга этого 14-томного труда вышла в 1855 г, последняя — в 1886 г., уже после смерти автора). Как отмечает Йорн Рюзен,

«конструкция Дройзена с помощью документов обосновывала единство политики и исторической науки, что было типично для эпохи буржуазных революций в Германии. История служила для него одновременно отправной точкой и для научного исследования, и для политической практики...»¹⁰.

Работа над историей Пруссии проявила одну (далее мы покажем, что не единственную) линию идейного, точнее идеологического, разрыва Дройзена с Ранке. Ранке в своих работах стремился к беспристрастности и достигал ее (что неоднократно отмечали его современники — коллеги и читатели). Дройзен, напротив, не скрывал своих политических целей и был щедр на моральные оценки. Его отношение к позиции Ранке передает избыточно резкий тон пассажа в одном из личных писем, написанных в середине 1850-х годов:

«Он [Ранке] со всей его трусливой интеллигентностью принадлежит как раз к современному берлинскому сброду; в нем нет и следа нравственной ярости, возвышенности убеждений; и отсюда проистекает то, что, когда кто-либо прочтет его книгу, он чувствует, что стал умнее, но не лучше, и он заканчивает это занятие не с новым благим порывом или с просветленным взглядом и расправленными плечами, а всего лишь с изумлением перед такой массой ума, знания и искусства»¹¹.

¹⁰ *Rüsen J. Politisches Denken und Geschichtswissenschaft bei J. G. Droysen // Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Festschrift für Theodor Schieder / Hgg. K. Kluxen, W. J. Mommsen. München: R. Oldenbourg, 1968. S. 171-187. (S. 171).*

¹¹ Цит. по: *Крист К. Иоганн Густав Дройзен (1808–1884) [1972] // Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х т. / Пер. с франц. СПб.: Наука, 1997–1999 [1833–1843]. Т. 1. С. XIII. Здесь и далее цитаты из русских переводов работ Дройзена даются с незначительной стилистической правкой.*

Впрочем, раздраженный тон этого письма не должен вводить в заблуждение — Дройзен очень высоко ценил труды Ранке и неоднократно приводил их в пример в качестве образцовых сочинений¹².

«История политики Пруссии», будучи на тот момент одним из высочайших достижений немецкой исторической науки (немногие работы даже немецких историков основывались на таком количестве нового документального материала, правда, почерпнутого почти исключительно в прусских архивах), по разным причинам не была принята ни публикой, ни коллегами по историческому цеху. Публике, и не без оснований, это сочинение Дройзена, в отличие от других, показалось скучным, а историкам — пристрастным даже по критериям того политически ангажированного века¹³.

Таким образом, если как создатель концепции эпохи «эллинизма» Дройзен входит во все исторические энциклопедии и исследования по соответствующей тематике, то изучение политики Пруссии не создало ему славы даже при жизни. Такова судьба второго научного проекта Дройзена.

Нас же более всего интересует третий, не завершённый, проект Дройзена, получивший название «историка» [die Historik].

«Ищите методы»

«Мы должны искать методы. Ибо для исследования разных проблем требуются разные методы». Этот призыв Дройзена, прозвучавший в 1864 г., в известной мере отмечает начало нового этапа дискуссии об историческом методе.

Обратим внимание на то, что *история* методологии истории довольно длинна. Истоки ее обнаруживают в античности у Дионисия Галикарнасского и Лукиана из Самосаты. В Новое время становление современных представлений об историческом знании началось в середине XVI века именно с написания разнообразныхopusов о «методе». Если за предшествующие две тысячи лет о понятии «история» в значении знания было написано несколько десятков абза-

¹² См. напр.: Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории [1936 посм./1857] // Дройзен И. Г. Историка. С. 144-145. Далее: Дройзен. Энциклопедия...

¹³ Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. L.; N. Y.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1928 [1913]. P. 140.

цев, то теперь за одно столетие — несколько десятков *трактатов*, специально посвященных проблемам методологии истории. Достаточно сказать, что в 1579 г. Иоганн Вольф из Базеля издал собрание работ по методологии истории «Сокровищница исторического искусства», включавшее 18 текстов, из которых 16 были созданы в XVI в. (кроме того, туда были включены работы Дионисия Галикарнасского и Лукиана)¹⁴. Обсуждение проблем методологии истории активно продолжалось вплоть до первых десятилетий XVII в. Формирование представлений об «историческом» было «коллективным предприятием», в котором участвовало множество мыслителей начала Нового времени. Одним из важнейших сочинений в этой области по праву считается трактат Жана Бодена «Метод легкого написания истории» (1566). Весьма существенную (хотя не вполне положительную) роль в формировании представлений об историческом методе сыграл и труд Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук» (1623)¹⁵.

Процесс выработки исторического метода, начавшийся во второй половине XVI в., уже в начале следующего столетия фактически прервался, и новая волна интереса к методологическим проблемам возникла лишь во второй половине XIX в., в связи со становлением истории как самостоятельной дисциплины. В этот же период формируются другие общественнонаучные дисциплины — экономика, социология, психология, этнология, которые раньше были в большей или меньшей степени растворены в философии общества. Самоопределение истории в ходе «распада» достаточно единого до той поры знания об обществе, помимо прочего, означало отчетливую специализацию по времени. В последней трети XIX в. история в качестве отдельной области научного знания становится знанием о *прошлой* социальной реальности, в то время как другие общественные науки концентрируются преимущественно на анализе *настоящего*. Превращение истории в науку и ее специализация сопровождались рефлексиями по поводу специфических для этой дисциплины

¹⁴ Заметим, что это было уже второе издание компендиума, подготовленного Вольфом — первое было выпущено в 1576 г. и включало 12 трактатов.

¹⁵ Подробнее см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006. Т. 1. С. 42 и далее.

правил и конвенций, принимаемых профессиональным сообществом, которые и именуются «научными методами».

В XIX в. история обретает полноценный академический статус и научную организацию: кафедры, факультеты, общества, дипломы. Так, хотя первые самостоятельные кафедры истории были учреждены в Берлинском университете в 1810 г. и в Сорбонне в 1812 г.¹⁶, в Англии, например, первые кафедры истории появились только в 1860-е годы (в Оксфорде в 1866 г. и в Кембридже в 1869 г.). Точно так же, хотя уже в конце XVIII – первой половине XIX в. во всех европейских странах издавалось множество исторических периодических изданий (только в Германии в 1790 г. их было 131)¹⁷, первые *профессиональные* национальные исторические журналы появляются лишь во второй половине XIX в.¹⁸

В отличие от многих своих европейских коллег, немецкие историки уже с начала XIX века работали в университетах, и это явилось важной предпосылкой ранней сциентизации исторического знания в Германии. Немецкая историческая школа прежде других национальных европейских историографий пришла к «научной» форме репрезентации прошлого. Те немецкие историки, которые работали в русле аналитической, а не романтической истории, ставили задачу создания «истинной картины» прошлого, неважно, универсальной или локальной. Они очень серьезно относились к историческому труду и профессии историка и вели бесконечные дебаты о специфике и задачах исторической науки. Последнее было подмечено не без сарказма еще Георгом Гегелем:

«Англичане и французы знают в общем, как следует писать историю: они более сообразуются с общим и национальным уровнем культуры; у нас же всякий стремится придумать что-нибудь

¹⁶ Если не считать открытую в 1504 г., но просуществовавшую всего несколько лет, кафедру истории в университете Майнца (*Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1980]. С. 42) или основанную Уильямом Кемденом в начале 1620-х годов кафедру истории в Оксфордском университете, которая также перестала существовать после его смерти в 1623 г.

¹⁷ *Wittram R.* Das Interesse an der Geschichte // *Die Welt als Geschichte.* 1952. Bd. XII. H. 1. S. 1.

¹⁸ «Historische Zeitschrift» (1859) в Германии, «Русская старина» (1870) в России, «Révue historique» (1876) во Франции, «Rivista storica italiana» (1884) в Италии, «English Historical Review» (1886) в Англии, «American Historical Review» (1895) в США.

особенное, и, вместо того чтобы писать историю, мы всегда стараемся определить, как следовало бы писать историю»¹⁹.

Тем не менее именно немцы создали «школу» исторического исследования, оставили после себя огромный массив опубликованных и проанализированных документов и множество исторических сочинений, если не читаемых, то почитаемых до сих пор.

Стремление следовать научной модели знания позволило немецким историческим школам во второй половине XIX в. занять лидирующие позиции в историческом знании, вписаться в позитивистскую конструкцию и стать «образцом» европейской историографии, которому сознательно следовали иные национальные школы (русская, американская и др.). А установленные немцами критерии научности, связанные с отношением к источнику, радикально изменили характер исторических исследований, став признаком профессиональной культуры любого ученого-историка.

Дройзен, безусловно, относится к выдающимся представителям немецкой исторической школы, но, в отличие от Ранке и его последователей, он не только реализовывал новую научную методологию на практике, но и активно размышлял об историческом методе. Уже в Предисловии ко второму тому «Истории эллинизма», опубликованному в 1843 г. всего в нескольких экземплярах (в остальных экземплярах этого издания присутствовал только первый абзац предисловия с посвящением Юстусу Ольсгаузену)²⁰, он говорил о недостатке в исторических штудиях собственно исторической теории при избытке историософии. Он писал, что история, именем которой иногда называют XIX столетие, как наука все еще не находит своей «жизненной точки» и по-прежнему заимствует ее то в философии истории, то в теологии истории, и бог весть, где еще.

«Пожалуй нет научной области, столь далекой от того, чтобы быть теоретически обоснованной, знающей свой предел, струк-

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1993 [1837 посм.]. С. 60.

²⁰ Юстус Ольсхаузен (Justus Olshausen) (1800–1882) — немецкий востоковед и филолог, профессор Кильского университета. Так же как и Дройзен, в 1852 г. был вынужден покинуть университет за антидатские настроения. В том же году получил должность профессора восточных языков в Кёнигсбергском университете в Пруссии. С 1860 г. — член Прусской академии наук.

турированной, как история; за виртуозностью своей техники и огромным накопленным материалом, за умышленной дерзостью публицистики и легковесным дилетантизмом философии наука, кажется, забывает, чего она лишена... Нам требуется такой как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории...»²¹.

Чтобы оценить по достоинству дерзания Дройзена, читатель должен сделать интеллектуальное усилие и перенестись в середину XIX в. В лекционном курсе, который он неоднократно читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 г., Дройзен отвечал на «исторический вопрос» *своей* эпохи. Насколько данные им ответы опередили время, может понять только специалист (историк скорее, чем философ, ибо прорыв был совершен именно в области интерпретации природы исторического знания). Для того чтобы обрисовать диспозицию (основные подходы к трактовке исторического знания и их соотношение) на тот момент, когда Дройзен приступил к чтению курса, лучше всего привести его собственные слова. Нам неизвестно, чтобы кому-то еще, даже и в последующих поколениях, удалось столь кратко и одновременно исчерпывающе подвести итоги дискуссий об историческом знании, начатых еще в XVIII в. и продолжавшихся при Дройзене.

В речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г., он отметил, что с древних времен над историей «тяготеет предвзятое мнение, что она представляет собой занятие, лишенное метода (*ἀμέθοδος ἔλξη*), равно как и господствующее в классической античности представление, что она относится к области риторики». Это представление, по его словам, вновь возродилось в тезисе, что история является одновременно и наукой, и искусством²² (сколько еще раз впоследствии воспроизведется этот тезис!). В то же время Дройзен выступал против сведения истории к эмпирической работе, призванной лишь поставлять материал для философов:

²¹ Дройзен И. Г. Теология истории (Предисловие ко 2-му тому «Истории эллинизма») [1843] // Дройзен И. Г. Историка. С. 505-525. (С. 516).

²² Дройзен И. Г. Речь, произнесенная при вступлении в Берлинскую Академию наук [1868] // Там же. С. 574-580 (С. 576). Далее: Дройзен. Речь...

«Достоправная гёттингенская историческая школа²³ прошлого столетия, хотя и не первая, попыталась сделать систематический обзор области истории и развить ее научный метод, и с ее стороны не было недостатка в наименованиях и изобретательных различениях. Например, в наш обиход вошли от нее такие рубрики и дистрикции, как всемирная история, всеобщая история, история человечества, исторические элементарные и вспомогательные науки. Однако метод, которому она учила, был лишь техникой исторической работы; и воспринятое ею выражение Вольтера “философия истории” было как бы приглашением, адресованным философии»²⁴.

Наконец, Дройзен вступал в открытую полемику с тогдашней «философией истории». Он говорил (это существенно с точки зрения современных дискуссий о характере исторического знания), что если бы философы взяли на себя только обоснование исторического процесса *познания* (курсив наш. — И. С., А. П.), то это «в высшей степени заслуживало бы благодарности». Но философы занялись и созданием субстанциальной философии истории, разработкой концепций исторического *процесса*, что привело к довольно плачевным последствиям для исторической науки.

«В одной системе... был сконструирован общий исторический труд всего рода человеческого как самодвижущаяся идея. В другой же системе учили об этом самом общем труде человечества, что “всемирная история, собственно говоря, есть только случайная конфигурация и не имеет метафизического значения”. С третьей стороны, требовали в качестве научной легитимизации нашей науки, обозначая как ее задачу, нахождение законов, по которым движется и изменяется историческая жизнь. Ей рекомендовали заимствовать норму из географических факторов и “первозданной естественности”; в связи с так называемой “позитивной философией” была сделана весьма привлекательная попытка “возвести” историю, как заявляли, “в ранг науки”»²⁵.

²³ Основатель гёттингенской исторической школы XVIII в. — Август Людвиг Шлёцер (1735–1809). С 1765 г. — ординарный профессор истории Петербургской Академии наук, с 1769 г. — профессор Гёттингенского университета. Его историографическая концепция изложена в работе «Понятие всеобщей истории» (*Schlözer A. L. von. Vorstellung Seiner Universal-Historie. 2 Bde. Göttingen / Gotha: Dieterich, 1772–1773*).

²⁴ Дройзен. Речь... С. 577.

²⁵ Там же.

Имена Георга Гегеля, Огюста Конта, Генри Бокля и других известных архитекторов философии истории легко прочитываются в резюме Дройзена, равно как и его отношение к подобным взглядам на прошлое и научное знание о нем.

Результаты исследовательской деятельности самого Дройзена в области теории истории по содержанию и последствиям следует интерпретировать уже в контексте того этапа в развитии исторической науки, который в целом может быть охарактеризован как господство позитивистской историографии. Облик исторической науки второй половины XIX-го, а во многом и первой половины XX в., очень заметно изменился под влиянием позитивистского подхода, представители которого, с одной стороны, много сил приложили к отделению истории от философии, но с другой — передоверили задачи исторического анализа социальным наукам, сделав уделом историка сбор эмпирического материала.

Понятно, что подобные усилия не реализовались полностью, и были историки, которые вели борьбу за суверенность своей дисциплины в противовес контовско-спенсеровскому «натурализму», стремившемуся превратить историю в придаток социологии с ее «объясняющими законами». Фигура Дройзена — одна из первых и по времени, и по значению в отнюдь не длинном ряду методологов истории. Примечательно, что, будучи, безусловно, философствующим историком, Дройзен оказался одновременно и одним из первых теоретиков только возникающей исторической науки. Свою задачу он видел в том, чтобы обеспечить методологическую автономию истории как самостоятельной научной дисциплины, сделать исследовательский процесс независимым от религиозной, философской или естественнонаучной картины мира.

«Во все времена спекуляция, как теософская, так и философская, пыталась играть главную роль в областях, принадлежащих истории, и уж тем более в областях природы... Но едва наша наука вышла из-под власти философии и теологии — большая заслуга XVIII в. — как пришли естественные науки, возжелавшие овладеть ею и опекать ее. Точно так же, как полвека назад философия... надменно говорила: лишь философия — наука, а история постольку наука, поскольку умеет быть философичной, — так и теперь естественные науки говорят: наука лишь то, что движется

на основании естественнонаучного метода, и к ним присоединяется так называемая позитивная философия Конта и Литтре...»²⁶.

Неудовлетворенный в разной мере и по разным основаниям всеми этими подходами Дройзен видел задачу историков своего времени (и в первую очередь свою собственную задачу) в том, чтобы обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить не законы истории, а только законы исторического процесса познания и знания»²⁷ (курсив наш. — И. С., А. П.). Не Бокль возвел историю в ранг науки, а Дройзен.

Значение теоретических работ Дройзена состоит еще и в том, что в данном случае к вопросам методологии обращался именно историк. Для нас это решающий пункт, поскольку у Дройзена речь идет не о поисках общенаучного метода или пусть даже метода всех наук о культуре, как впоследствии будет у Вильгельма Дильтея или Генриха Риккерта, а о попытке определить метод науки-истории.

«Историка»

Свою теорию исторической науки Дройзен именовал «историкой» или «наукоучением истории»²⁸. По словам известного специа-

²⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 59-60. Эмиль Литтре (Émile Maximilien Paul Littré) (1801–1881) — французский философ-позитивист и филолог, член Французской академии (1871). Ученик и последователь Огюста Конта, дополнил его учение о трёх стадиях развития человечества понятием четвёртой стадии — техники. Вместе с Григорием Николаевичем Вырубовым (1843–1913) основал и издавал журнал «La philosophie positive» (т. 1–26, 1867–1881). В качестве филолога известен как автор «Истории французского языка» (т. 1–2, 1863) и «Словаря французского языка» (т. 1–4, 1863–1872).

²⁷ Дройзен. Очерк... С. 578.

²⁸ Здесь и далее, следуя Дройзену, «историкой» мы будем называть его концепцию, сформулированную как в «Энциклопедии и методологии истории», так и в «Очерке историка». Термин «историка» (Historik) заимствован Дройзену у немецкого историка Георга Готфрида Гервинуса, который обозначал им теоретические представления об истории как реальности и истории как науке (*Gervinus G. G. Grundzüge der Historik. Leipzig, 1837*). В действительности по своему содержанию он является синонимом методологии (*Methodologie, Methodenlehre*), которым Гервинус не пользовался, но это слово уже входило в лексикон историков для обозначения области теоретических проблем. В 1910-е годы русский историк Николай Иванович Кареев использовал термин «истори-

листа по историографии Эрнста Брейзаха, теория Дройзена

«...являет собой лучшее и наиболее полное выражение немецкой исторической теории XIX в., которой Ранке никогда не написал, и которая... стала первой линией обороны в борьбе со сторонниками историографии, организованной по подобию естественных наук»²⁹.

Остается только сожалеть, что давно всеми забытая «История политики Пруссии» заняла (и отняла) последние 30 лет жизни великого историка. Примерно столько же лет (с 1857 г.) он читал курс «Энциклопедия и методология истории», названный по образцу курса лекций Августа Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», который Дройзен прослушал в молодости. Писать одновременно две книги ему было просто некогда, и лекции остались неизданными (хотя имеются свидетельства того, что он задумывался об их издании)³⁰. При жизни ученого свет увидела только небольшая брошюра «Очерк историки», написанная в виде тезисов специально для слушателей курса. Впервые изданная на правах рукописи в 1858 г., она оказалась востребованной и трижды переиздавалась (в 1862, 1875 и 1882 гг.). Эрих Ротхакер в 1925 г. включил «Очерк историки» в первый том своей серии «Философия и гуманитарные науки», назвав ее «самым гениальным введением в историческую науку из всех, какие у нас есть»³¹. Как писал в 1922 г. Эрнст Трельч, в этой брошюре были

«...затронуты все новейшие понятия, связанные с логикой истории: понятие исторического времени; понимание в противоположность объяснению; преобразование, но не отражение прошлого в исторических понятиях; идиографический и номотетический метод; иррационализм истории и свободы в противовес рационализму в естественных науках; понятие отно-

ка» в названии одной из своих работ (*Кареев Н. И.* Из лекций по общей теории истории. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. Ч. III. О школьном преподавании истории. СПб./Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, 1915, 1917).

²⁹ *Breisach E.* Historiography: Ancient, Medieval and Modern. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. P. 238.

³⁰ Об истории публикации лекций Дройзена см.: *Хюбнер Р.* Предисловие издателя // *Дройзен И. Г.* Историка. С. 24-40. Далее: *Хюбнер.* Предисловие...

³¹ Цит. по: *Хюбнер.* Предисловие... С. 25.

сительно-исторического и потому относительно закономерного; диалектика; формула историзма»³².

Записями самих лекций по курсу «Энциклопедия и методология истории» долгое время никто не интересовался. Когда внук Дройзена историк Рудольф Хюбнер обнаружил, что тетради с записями существуют (к счастью, на 73-м году жизни Дройзен начисто и наново переписал курс), он взялся за подготовку рукописи к печати, и в 1936 г. книга была издана.

Естественно публикация не может воспроизвести полностью те лекции, которые некогда были прочитаны — «живое слово и исходящую от него силу воздействия никогда нельзя заменить печатным текстом»³³. Тем более что и сам Дройзен в уже упомянутом письме признавался, что добиться «блеска в глазах» слушателей ему более удастся в устной речи и благодаря этому он «смог кое-чего достичь на кафедре: здесь есть нужное мгновение, и ощущаемая тобой реакция слушателей, и рост их возбуждения»³⁴. Однако, по удачному выражению Хюбнера, публикация этих лекций позволяет «довольствоваться заменой того, что само по себе незаменимо»³⁵.

Особенностью курса Дройзена по методологии истории является то, что он представляет собой «энциклопедию» еще и в смысле репрезентации поистине безграничных познаний лектора, знатока разных исторических эпох и ареалов, специалиста по экономической истории и истории права, историософии и филологии, литературе и зодчеству, нумизматике и эпиграфике. Текст во все не абстрактен, что порой характерно для теоретических курсов. Он и не выстроен по распространенной модели: тезис — пример или по принципу: теория — «исторический фон». Дройзен превосходно выдерживает логику теоретического рассуждения, погрузившись при этом во всемирную историю, лавируя в гуще сведений об огромном количестве исторических личностей, фактов, курьезов, документов, исследований.

³² Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994 [1922]. С. 541, сн. 55.

³³ Хюбнер. Предисловие... С. 32-33.

³⁴ Цит. по: Крист. Указ. соч. С. XIII.

³⁵ Хюбнер. Предисловие... С. 33.

Здесь самое время напомнить, что мы имеем дело не с методологическим трактатом, а с лекционным курсом. «Историка» адресовалась студентам, и обратим внимание на то, что профессор Дройзен считал необходимым и возможным читать молодым людям столь теоретически сложный и новаторский курс, требующий к тому же глубокого знания истории. Это делает честь и ему, и его слушателям.

Курс лекций Дройзена начинается своеобразной «декларацией независимости»:

«Конечно, мы не будем заимствовать из других наук дефиницию нашей науки и правила ее метода. Ибо мы тем самым подпали бы под их нормы и стали бы зависимы от их методов»³⁶.

Как мы уже могли заметить по приведенным выше высказываниям, для Дройзена вопрос о методологическом суверенитете истории был действительно первостепенным. Сам Дройзен обращал внимание на то, что

«“Историка” не является ни энциклопедией исторических наук, ни философией (или теологией) истории, ни физикой исторического мира и уж тем более ни поэтикой историографии. Она должна поставить перед собой задачу быть органом исторического мышления и исследования»³⁷.

Итак, метод делает науку наукой, и для поиска исторического метода, по мнению Дройзена, важны три момента: имеющийся в наличии эмпирический материал; способ, при помощи которого мы получаем результаты из этого исторического материала, и отношение полученных таким образом результатов к реалиям, объяснить которые мы пытаемся³⁸.

«Вопрошающий ум»

«Энциклопедия и методология истории» Дройзена включала следующие разделы: методика, систематика и топика (изложение) истории (в разное время они компоновались по-разному). Методика делилась на эвристику, критику и интерпретацию (исторического материала), отвечая на вопросы: *почему, каким образом, с какой це-*

³⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 43.

³⁷ Дройзен. Очерк... С. 466.

³⁸ Дройзен. Энциклопедия... С. 61.

лю. Систематика определяла область применения исторического метода, отвечая на вопрос: *что* может исследовать история. К топике относился анализ форм исторического изложения (план выражения, как сказал бы современный исследователь). И в каждом из указанных разделов мы обнаруживаем идеи, к которым не применим эпитет *устар.*

На самом деле «Энциклопедия и методология истории» полна множеством вопросов. Есть в ней и раздел «Исторический вопрос», в котором рассматривается такая часть ремесла историка как умение правильно задавать вопросы: текстам и вещам. Строго говоря, основную задачу всего курса можно свести к позднейшей формулировке Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса: «Как ставить вопросы в науке, столь отличной от других наук?»³⁹.

Во многом чередование вопросов и ответов определяется форматом лекции. Отчасти такая манера связана с новизной и сложностью предмета. Но, кроме того, нам кажется, что объяснение кроется и в природе *ума* самого Дройзена, недаром он утверждал:

«Чем сильнее развит вопрошающий ум, чем богаче содержание, которое вкладывает он в свой вопрос, приступая к новой задаче, тем значительнее вопрос, который он ставит»⁴⁰.

Конечно, как писал Дройзен, «вопрос и поиск, отталкивающийся от него, — это первый шаг исторического исследования»⁴¹. Лекции позволяют проследить процесс поисков ответов (здесь тоже хорошо видны преимущества устного жанра). Но мы, ввиду собственных жанровых ограничений, сосредоточимся на нескольких важнейших, с нашей точки зрения, ответах (научных результатах).

Представления Дройзена об исторической науке могут быть суммированы в нескольких его тезисах:

«История — не сумма происшествий, не общий ход всех событий, а некоторое знание о происшедшем, т. е. происшедшее, которое знают»⁴².

«Наша наука — не просто история, а *ιστορία*, исследование, и

³⁹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. 2-е изд. М.: ГПИИБ, 2004 [1898]. С. 201.

⁴⁰ Дройзен. Энциклопедия... С. 80.

⁴¹ Дройзен. Энциклопедия... С. 82.

⁴² Дройзен. Очерк... С. 461.

с каждым новым исследованием история становится шире и глубже»⁴³.

«...Материалом нашего исследования является то, что еще не исчезло из былых времен»⁴⁴.

«Задача истории есть понимание [прошлого] путем исследования»⁴⁵.

Остановимся на некоторых из этих тезисов, которые Дройзен обозначал как «фундаментальные предложения», чуть более подробно.

Область научных прозрений Дройзена, с которой хочется начать, ибо она непосредственно касается и объекта, и задач исторической дисциплины — представление об исторической реальности. Концепция Дройзена исходит из удивительно опережающей свое время интерпретации природы прошлой социальной реальности. В то время как глава немецкой исторической школы Леопольд фон Ранке призывал историков, описывая прошлое, следовать девизу «как это было на самом деле», Дройзен утверждал, что

«результатом критики источников является не “подлинный исторический факт”, а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного *мнения*» (курсив наш. — И. С., А. П.)⁴⁶.

Он писал, что фундаментальный принцип исторической науки состоит в том, что сведения о прошлом

«...она ищет не в нем самом, а в том, что от него еще имеется в наличии, и тем самым, в какой бы то ни было форме, доступно эмпирическому ощущению. Наша наука целиком основывается на предположении, что на основе таких современных нам материалов мы будем устанавливать не прошлые события, а аргументировать, исправлять и расширять наши представления о них...»⁴⁷.

Такая трактовка результата исторического исследования непосредственно связана с абсолютно актуальным и четко артикулиро-

⁴³ Дройзен. Энциклопедия... С. 63.

⁴⁴ Дройзен. Энциклопедия... С. 64.

⁴⁵ Дройзен. Энциклопедия... С. 70.

⁴⁶ Дройзен. Очерк... С. 474.

⁴⁷ Дройзен. Энциклопедия... С. 63.

ванным представлением о предмете исторической науки. Дройзен полагал, что таковым является не прошлое, а *человеческие действия, совершенные в прошлом* (по терминологии Дройзена, *волевые акты*). Именно эти акты историк должен попытаться вычленил из течения событий:

«... Любой так называемый исторический факт, помимо средств, связей, условий, целей, которые действовали все одновременно, является комплексом волевых актов... которые как таковые минули вместе с тем настоящим, которому они принадлежали, и сохраняются лишь в виде остатков того, что тогда было сформировано или сделано, или проявляют себя во взглядах и воспоминаниях»⁴⁸.

И в другом месте: «Когда мы говорим: “Государство, народ, церковь, искусство и т. д. делают то-то и то-то”, то мы имеем в виду “благодаря волевым актам” [людей]»⁴⁹.

При такой постановке вопроса Дройзен вступал в прямую полемику с позитивистами, полагавшими, что социальная жизнь определяется историческими законами, а поступками людей можно либо пренебречь, либо искать в них лишь проявления этих самых законов.

Дройзен также первым подвел итоги «классического» этапа развития источниковедения. В частности, им была предложена развернутая классификация «источников», т. е. эмпирического материала, используемого в исторических исследованиях. Дройзен, в соответствии с традициями школы Ранке (который работал в том же Берлинском университете), уделял существенное внимание эмпирическому материалу исторического исследования. Оставляя в стороне его не слишком удачную классификацию⁵⁰, можно констатировать, что подход Дройзена к проблеме источников имел, как минимум, три примечательных особенности.

⁴⁸ Дройзен. Очерк... С. 471.

⁴⁹ Дройзен. Очерк... С. 488.

⁵⁰ Дройзен подразделял исторический материал на *остатки* — «то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем»; *источники* — «то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание»; и *памятники* — «вещи, в которых объединены обе формы» (Дройзен. Очерк... С. 468).

Во-первых, Дройзен предложил необычайно широкую трактовку исторических источников, не многим отличающуюся от современной. К историческому материалу он относил не только архивные «деловые документы» (корреспонденции, счета, юридические грамоты и т. д.), но также «изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода» (мифы, философские и литературные произведения, а также «исторические труды как продукт своего времени»), сказания и исторические песни, речи в суде и парламенте, публицистические речи и проповеди, воспоминания (мемуары), «произведения искусства всякого рода», надписи, медали, монеты и т. д., «произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т. д.)», вплоть до дорог и общинных лугов; «любые монументальные отметки для памяти вплоть до пограничного камня, титула, герба, имени»; наконец, сохранившиеся в настоящем «правовые институты нравственных общностей» (нравы, обычаи и традиции, законы, государственные и церковные установления), и этим список далеко не исчерпывается⁵¹.

Во-вторых, говоря об источниках, Дройзен постоянно отмечал их отрывочность и фрагментарность, не позволяющую получить полную картину прошлого. Поэтому «мерой достоверности исследования» он полагал четкость в обозначении пробелов и возможных ошибок. А отсюда вытекает необходимость анализировать разные виды источников, в поисках точки пересечения между ними⁵².

Наконец, Дройзен всячески выступал против «фетишизации» источников, настойчиво подчеркивая, что источники — это только материал для изучения, их анализ и критика — лишь подготовительный этап, а самое сложное в работе историка начинается на стадии собственно исследования.

«Добросовестность, не идущая дальше результатов критики [источников], заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность»⁵³.

⁵¹ Дройзен. Очерк... С. 468-469; подробнее см.: Дройзен. Энциклопедия... С. 84-145.

⁵² Дройзен. Энциклопедия... С. 224.

⁵³ Дройзен. Очерк... С. 474.

Еще один фундаментальный принцип Дройзена — «Сущность исторического метода — понимание путем исследования»⁵⁴. «Понимание является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией»⁵⁵, — так тезисно сформулировал Дройзен свое представление о «понимании» в «Очерке истории». Расшифровывая эти тезисы в «Энциклопедии и методологии истории», он пишет:

«Наша задача может заключаться только в том... чтобы попытаться узнать путем исследований имеющихся у нас материалов, чего хотели те люди, которые создали, действовали, трудились, что волновало их Я, что они хотели высказать в тех или иных выражениях и отпечатках своего бытия. Из материалов, какими бы фрагментарными они ни были, мы пытаемся познать их волеия и деяния, условия их желаний и поступков; из отдельных выражений и образований, которые мы еще можем понять, мы пытаемся реконструировать их Я, или в том случае, если они действовали и создали сообща, постичь это общее, ... частицей и выражением которого они являются»⁵⁶.

При этом следует обратить внимание на слово «пытаться», которое не случайно встречается в процитированном абзаце три раза. Дройзен прекрасно понимал ограниченные возможности и пределы нашего понимания людей прошлого, их мыслей и чувств:

«Необходимо длительное и трудное опосредование, чтобы вникнуть в чуждое, ставшее для нас непонятным, чтобы восстановить представления и мысли, которыми люди руководствовались сто, тысячу лет назад, совершая те или иные поступки, по-своему их воспринимая; необходимо как бы понять язык, на котором говорят странные для нас теперь события и социальные отношения»⁵⁷.

Конечно, сам термин «понимание» ныне выглядит немного архаично и в значительной мере уже ушел из современного научного лексикона, но в то время, акцентируя роль «понимания», Дройзен противостоял как естественнонаучным методологическим дискуссиям об «описании и объяснении», так и представлениям романтиков о возможности вчувствования, проникновения в мысли людей про-

⁵⁴ Дройзен. Энциклопедия... С. 65.

⁵⁵ Дройзен. Очерк... С. 463, 464.

⁵⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 71.

⁵⁷ Дройзен. Энциклопедия... С. 144.

шлого. (Как легко заметить, и естественнонаучные, и романтические представления об историческом знании не изжиты полностью по сей день.) Дройзен считал, что сознание человека, рождение мысли скрыто от самого проницательного исследователя, который всегда имеет дело с действиями, будь то поступок или запечатленное слово. «Хотя человек и понимает человека, — разъяснял Дройзен, — но лишь периферийно; он воспринимает поступок, речь, мимику другого (т. е. действия. — *И. С., А. П.*), но не может доказать, что он правильно понял его, совершенно понял»⁵⁸.

Естественно, читая лекции, Дройзен много импровизировал. «Энциклопедия...» завершается словами из конспекта Фридриха Мейнеке, слушавшего курс в зимний семестр 1882/83 г. Это единственная вставка фрагмента из конспекта в оригинальный текст, сделанная Хюбнером по совету Мейнеке, который ранее этими же словами заключил свою работу о Дройзене:

«Два момента нашего обзора обозначаются особенно ясно. Во-первых, мы, в отличие от естественных наук, не имеем в арсенале наших средств эксперимента, мы можем только исследовать, и ничего иного. Во-вторых, в результате даже самого основательно-го исследования можно получить только фрагмент, отблеск прошлого; история и наше знание о ней отличны, как небо и земля... Это могло бы привести нас в уныние, если бы не одно обстоятельство: развитие *идеи* в истории мы все-таки можем проследить, даже имея фрагментарный материал. Таким образом, мы получаем не образ происшедшего самого по себе, а образ нашего восприятия и мысленной его переработки. Это наш суррогат.

Получить его не так легко, и изучение истории не столь от- радно, как это кажется на первый взгляд»⁵⁹.

«Немецкое счастье» Иоганна Густава Дройзена

Читая теоретические работы Дройзена, поражаешься тому, насколько основные темы «историки» соответствуют содержанию теоретических поисков нашей науки на протяжении всего XX столетия. Конечно, оставляя за кадром «антиквариат» в идейном наследии Дройзена и фокусируя взгляд на актуальных положениях его труда,

⁵⁸ Дройзен. Очерк... С. 477.

⁵⁹ Дройзен. Энциклопедия... С. 446. См.: *Meinecke F. Johann Gustav Droysen. Sein Briefwechsel und seine Geschichtsschreibung // Historische Zeitschrift. 1929. Bd. 141. S. 249-287. (S. 287).*

мы получаем (и предлагаем читателю) не «настоящего» Дройзена, а «избранные» рассуждения, извлеченные из целостного текста. Принадлежность их к XIX столетию порой выдает только форма изложения. Между тем в тексте лекций обнаруживается и достаточно много представлений и идей, которые сегодня выглядят архаичными. Родившись в начале XIX века и дожив почти до его конца, Дройзен в своих исследованиях вполне отражал «дух эпохи», ее основные философские и религиозные искания, равно как и историографические «повороты». Мы же преследовали цель вычленив из достаточно пространного и неоднородного текста лекций мысли, созвучные современному взгляду на природу исторического знания.

Идеи Дройзена, предлагающие расширительное толкование исторических источников и их классификацию, получили развитие уже в конце XIX в. в работах Эрнста Бернгейма и Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса⁶⁰, и по существу именно этот подход лежит в основе современного источниковедения.

В рамках разделения исторических материалов на «источники», «остатки» и «памятники» Дройзеном (и вслед за ним Бернгеймом) были намечены первые подходы к проблеме прошлого как *Другого* и дистинкции разных типов «прошлого» (в современном научном дискурсе различение прошлого и настоящего тесно связано с понятием *Другого*). Уже в середине *позапрошлого* (sic!) века Дройзен писал:

«Данным для исторического опыта и исследования являются не прошлые времена — они минули, — а непреходящее, то, что от них осталось в данный момент, то есть Здесь и Теперь... Не былые времена проясняются, а то, что от них осталось в настоящем. Эти пробужденные ото сна отблески суть идеальное прошлое, мыслимая картина былых времен»⁶¹

(Заметим, что и в наши дни отдельные историки все еще пребывают в уверенности, что история изучает *прошлое*).

Проблема многоярусного присутствия прошлого в настоящем была осмыслена спустя сто лет социологом Эдвардом Шилзом, который выделил два типа «прошлого». Вслед за Шилзом, известный английский специалист в области истории политической мысли Майкл Оукшот выдвинул идею о наличии трех «прошлых», которые

⁶⁰ См.: Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1908 [1889]; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Указ. соч.

⁶¹ Дройзен. Очерк... С. 462.

он именовал «практическим», «зафиксированным» и сконструированным в человеческом сознании⁶².

Не менее современны и некоторые принципиальные высказывания Дройзена, содержащиеся в разделе «Топика», касающиеся проблематики истории в значении текста и, в частности, риторики исторического исследования.

«Формы изложения определяются не по аналогии эпоса, лирики, драмы (Гервинус), не по различию “определенных во времени и пространстве действий свободного человека в государстве” (Ваксмут), не по случайным всевозможным хроникам, достопримечательностям, картинкам из старины, историям (quibus rebus agendis inter fuerit is qui narret, Авл Геллий), а двойственной природой исследуемого»⁶³.

Двойственность же исторического исследования состоит в том, что представление о происшествиях и порядках былых времен, которое можно получить исходя из настоящего и из некоторых наличествующих в нем элементов прошлого, одновременно ведет к обогащению и углублению понимания настоящего путем прояснения былых времен, и объяснению прошлых времен путем открытия и развертывания того, что из них имеется в настоящем. При этом, как уточнял Дройзен,

«каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим»⁶⁴.

Поднятая Дройзеном тема понимания позднее возникла в работах Вильгельма Дильтея и баденских неокантианцев Вильгельма

⁶² Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981; Oakeshott M. J. On History and Other Essays. Totowa (NJ): Barnes & Noble, 1999 [1983]. О проблеме прошлого в истории см. также: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. Т. 1. Гл. 4.

⁶³ Дройзен. Очерк... С. 494. Вильгельм Ваксмут (Ernst Wilhelm Gottlieb Wachsmuth) (1784–1866), немецкий историк, с 1820 г. — профессор Кильского университета, с 1825 г. — профессор Лейпцигского университета. Его работа «Эскиз теории истории» (Wachsmuth W. Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle, 1820), так же, как и упомянутое выше сочинение Гервинуса, оказала большое влияние на методологические поиски Дройзена.

⁶⁴ Дройзен. Очерк... С. 494-495.

Виндельбанда и Генриха Риккерта⁶⁵. В качестве обобщающего признака общественных наук они начали использовать термин «понимание», которое и противопоставлялось ими естественнонаучному «объяснению». Эти идеи получили широкую известность в конце XIX – начале XX в. В многочисленных работах они воспроизводились буквально или с небольшими вариациями. В частности, к числу последователей неокантианцев можно отнести и ряд российских философов истории начала века⁶⁶.

Позднее Макс Вебер четко показал, что понимание и объяснение неразрывно связаны в общественных науках (в частности, в социологии и истории). Именно поэтому Вебер ввел понятие «объясняющего понимания»⁶⁷, которое позволяет ликвидировать это искусственное противопоставление. В самом деле, даже на уровне обыденной семантики вряд ли можно дать объяснение тому, что ты не понимаешь, точно так же, как понимание (прежде всего человеческих действий) достигается прежде всего через их объяснение. Тем не менее, противопоставление «понимания» и «объяснения» до сих пор продолжает время от времени всплывать в методологических дискуссиях, в том числе и по поводу исторического знания.

В соответствии с правилами эпохи и собственной ярко выраженной гражданской позицией Дройзен немало сказал и о функциях истории. В исторической науке второй половины XX века, вплоть до недавнего времени, теоретические основания этой проблемы почти не обсуждались. Отчасти, по нашему мнению, потому, что функции, издавна приписываемые истории, в какой-то мере обнаружили свою неэффективность. Однако в последние десятиле-

⁶⁵ При этом указанные авторы совершенно по-разному концептуализировали понятие «понимание» и, строго говоря, вкладывали в него абсолютно разный смысл. В частности, Дильтей и Риккерт принципиально по-разному определяли объект обществознания («науки о духе» и «науки о культуре») и использовали разные немецкие слова для обозначения «понимания» (соответственно, *Verstehen* и *Auffassung*).

⁶⁶ См.: *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. 4-е изд. М.: Комкнига, 2006 [1909]; *Ланно-Данилевский А. С.* Методология истории. 2-е изд. М.: Территория будущего, 2006 [1911–1913]; *Кареев Н. И.* Указ. соч.

⁶⁷ *Вебер М.* Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921] // Теоретическая социология. Антология / Ред. С. П. Баньковская. В 2-х ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 70-146. (С. 78).

тия, и особенно в странах, озабоченных поисками национальной идентичности и даже «национальной идеи», проблема социальных функций истории приобрела не только идеологическое, но и научное измерение⁶⁸. В этой связи вполне современно звучат слова Дройзена, что «практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т.д. *образ самого себя*»⁶⁹, то есть, говоря языком социологии, способствуют формированию национальной идентичности. Эти слова, кстати, произнесены в финале такого сугубо методологического произведения как «Очерк историки».

В связи с темой социальных функций истории упомянем и о возникшей на исходе XX века новой волне озабоченности общества состоянием массового исторического образования (первая волна пришлась как раз на время Дройзена). Если в XIX в. становление общеобразовательной школы ставило вопрос о создании «правильных» программ по истории, так как «изучение истории есть основа *политического (курсив наш — И. С., А. П.)* воспитания и образования»⁷⁰, то сегодня претензии общественности самых разных стран относятся и к приведению содержания программ по истории в соответствие с политическими реалиями, и к качеству исторических знаний населения. Реакция на вызовы общественности тех историков, которых больше волнует обновление научного содержания массовых исторических представлений, близка идее Дройзена, который четко разделял познавательные и социальные функции истории и определял «значение истории в деле образования» в том числе и такими словами:

«У любого настоящего существует потребность заново реконструировать историю своего становления, своего прошлого, т.е. понять все то, что есть и стало таковым, осмыслить в свете добытого *нового знания* (курсив наш. — И. С., А. П.) как бы с более высокой точки, окидывая взором все большие пространства»⁷¹.

В связи с призывами некоторых современных исследователей к демократизации процесса производства исторического знания, к

⁶⁸ Подробнее см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. Т. 1. Гл. 8.

⁶⁹ Дройзен. Очерк... С. 499.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Дройзен. Энциклопедия... С. 143.

созданию истории «людьми с улицы» (и даже крайними утверждениями о превосходстве такого способа историописания), актуальным остается и мнение Дройзена о непроницаемой границе между «популярной» (общедоступной) и научной историей.

«...Многие результаты исторического исследования никак не подходят для того, чтобы их излагали в популярнейшей форме. Один александрийский ученый, когда царь Птолемей VII пожелал выучить математику за короткое время, ответил ему: “К наукам нет царского пути”. Но нет и народного пути к наукам, широкой столбовой дороги для всякого человека из народа. Любая наука по своей природе эзотерична и должна оставаться таковой. Ибо лучшая часть всякого научного познания есть сам труд познания»⁷².

И любителям модного конструкта «историческая память» есть что почерпнуть из размышлений полуторавековой давности о соотношении социальных представлений, укорененных в традиции, и профессионального исторического знания. Очевидно, что Дройзен безошибочно чувствовал разницу между знанием, запечатленным в текстах, и памятью, передаваемой в образцах поведения, ритуалах и т. д.

«Любое воспоминание, — говорил Дройзен, — пока оно внешне не зафиксировано (в поэтической речи, в сакральных формулах, в письменной редакции и т. д.), живет и преобразуется вместе с комплексом представлений тех, кто ими руководствуется (например, “традиция” в римской церкви)»⁷³.

Перечень актуальных идей Дройзена можно и продолжать, но пора признаться, что мы действуем в режиме историцистского подхода, при котором важно обнаружить и зафиксировать все интересные (и даже не очень интересные) идеи или работы (вплоть до неопубликованных рукописей), создававшиеся в прошлом, независимо от того, были ли они известны современникам и, тем более, оказали ли они влияние на потомков⁷⁴. Поскольку Дройзен при жизни не

⁷² Дройзен. Энциклопедия... С. 394-395.

⁷³ Дройзен. Очерк... С. 469

⁷⁴ Об историцистском и презентистском подходах в истории мысли см.: Полетаев А. В. Классика в общественных науках // Классика и классики в современном социально-гуманитарном знании / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009 (в печати).

опубликовал свое основополагающее сочинение по теории исторического знания, его научный приоритет в этой области фактически остался непризнанным. Более того, «Энциклопедии и методологии истории» Иоганна Густава Дройзена не повезло дважды.

Первый раз потому, что она не была издана тогда, когда была создана (за исключением тезисного «Очерка историки»). Тем самым в развитии теории исторического знания исследование Дройзена не сыграло той основополагающей роли, которую оно могло бы сыграть. Хотя имя Дройзена, как правило, упоминается в ряду основоположников теоретических основ исторической науки второй половины XIX в., и тезисы его были известны и высоко оценены по крайней мере многими ведущими немецкими историками (среди них: Фридрих Мейнеке, Отто Хинце, Эрнст Трельч, Эрих Ротхакер), при этом обычно читали и, соответственно, цитировали написанные и опубликованные позднее монографические исследования Бернгейма, Ланглуа и Сеньбоса, а также, когда речь шла об определении характера исторического знания — Дильтея, Виндельбандта и Риккерта.

Второй раз «историке» не повезло потому, что когда, наконец, эти лекции были изданы в Германии, шел 1936-й год. Место и время — роковые для произведения, содержащего концепцию *исторического* знания. Публикация сочинения примерно совпала по времени с появлением теоретических работ Чарльза Бирда, Карла Беккера, Мортона Уайта, Фридриха Мейнеке, Марка Блока, Люсьена Февра, Робина Коллингвуда, но ведь написано оно было на 80 лет раньше! Тем не менее, по нашему мнению, публикация могла бы стать заметным явлением в исторической науке и в 1930-е годы, если бы не изоляция нацистской Германии в интеллектуальном пространстве. Впрочем, в середине XX века речь в любом случае могла идти скорее об оценке места Дройзена в дискуссиях об историческом знании *post factum*. В результате, несмотря на то, что его сочинения относятся к классике исторической мысли и упоминаются без исключения всеми, кто пишет о проблеме методологии истории, сам текст оказывается, как правило, вне поля зрения. И совершенно незаслуженно. Как бы далеко вперед ни продвинулись за последующие полтора столетия социальные науки, многие идеи Дройзена и по содержанию и по форме оставались актуальными на протяжении всего XX века в контексте дискуссий о характере исторического знания.